

Русское слово. М., 1895. 4 февраля. №34.

С. 1, 2

ЛИТЕРАТУРНО - КРИТИЧЕС- КІЕ НАБРОСКИ.

Новый рассказ Чехова (Г. Мисль, № 1).

Блѣдный и унылый видъ имѣютъ январскіе книжки нашихъ толстыхъ журналовъ... Не на чемъ остановиться, не о чемъ слово сказать... Статьи публицистическаго характера, или разныя историческія воспоминанія, еще туда—сюда: идѣсь нѣтъ-нѣтъ и наткнешься на что-нибудь, если не интересное, то, можетъ быть, любопытное и характерное. За то въ беллетристику—хоть шаромъ покати: все скучно, гладко, блѣдно. Въ *Вестникъ Европы* началъ печатать свой новый романъ П. Д. Боборыкинъ. Романъ называется „Холокъ“, и по первой части его трудно сказать, чѣмъ въ концѣ концовъ окажется это новое произведение пера Боборыкина, про котораго составилось у критиковъ то неслестное для него мнѣніе, что онъ только по недостатку другихъ, болѣе талантливыхъ романистовъ, пошелъ въ моду и пользуется такимъ почетомъ: на безрыбьи, полъ и ракъ рыба.

Въ этомъ отношеніи роль журнальнаго обозрѣвателя страшно затрудняется при выборѣ темъ для фельетоновъ: о чемъ писать? Попадному, все равно, за что ни возьмешься, все въ достаточной степени плохо. Приходится изъ худшаго выбирать лучшее (неблагодарная задача!) или говорить по поводу того или другаго произведенія.

Мы остановились теперь на новомъ рассказѣ А. Чехова, начатомъ въ *Русской Мысли*; во первыхъ Чеховъ все-таки одинъ изъ лучшихъ современныхъ нашихъ беллетристовъ, во вторыхъ и рассказъ его все-таки представляетъ нѣкоторый интересъ по типамъ московскихъ обывателей, нѣмъ затронутыхъ.

Роль Москвы въ исторіи Русскаго народа не кончилась. Пожалуй, даже, уступивъ политическое первенство Петербургу, она въ своемъ нравственномъ

значеніи только выросла. Въ ней, какъ въ фокусѣ сходятся нити всѣхъ настроеній блуждавшихъ въ русскомъ обществѣ, и здѣсь получающихъ самое яркое и полное выраженіе. Поэтому художественныя произведенія въ которыхъ описывается Московская жизнь, въ которыхъ выводятся типы Москвитинъ, представляютъ особый интересъ. Къ числу такихъ художественныхъ произведеній относится и новый рассказъ Чехова, озаглавленный „Три года“.

I.

Главы, напечатанныя въ январской книжкѣ журнала, посвящены описанію дѣйствующихъ лицъ и тѣхъ житейскихъ обстоятельствъ, которыя поставили ихъ въ близкія отношенія другъ къ другу. Что выйдетъ изъ этихъ отношеній, авторъ разскажетъ намъ послѣ. Впрочемъ, для насъ это и не особенно важно. Для насъ гораздо интереснѣе знать, какихъ людей показываетъ намъ Чеховъ, на какихъ типахъ остановилъ онъ свое вниманіе.

Герой разсказа—Алексѣй Федоровичъ Лантень. Онъ сынъ купца, первоначальное воспитаніе получилъ въ отцовскомъ амбарѣ, но затѣмъ былъ отданъ въ гимназію и окончилъ университетъ. Отецъ его богобоязливый купецъ стараго закала, крѣпко держащій въ своихъ рукахъ власть отца и хозяина. И семью и приказниковъ онъ держитъ въ большой строгости, по старинѣ.

Лантень, такъ разсказываетъ о своемъ дѣтствѣ своей жемѣ:

„Отецъ началъ учить меня или, попросту говоря, бить, когда мнѣ не было еще и пяти лѣтъ. Онъ сѣлъ меня розгами, дралъ за уши, билъ по головѣ... Играть и шалить мнѣ и Федору запрещалось; мы должны были ходить къ утру и въ ранней обѣднѣ, дѣловато пожимать и монахамъ руки, читать дома акафисты. Ты вотъ религіозна и все это любишь, а я боялся религіи, и когда прохожу мимо церкви, мнѣ напоминаетъ мое ненавистное дѣтство и становится жутко.“

Это очень странно, такъ какъ Алек-

сѣй Федоровичъ все-таки не совсѣмъ еще испорченный человѣкъ; онъ скромнень, сознаетъ свои недостатки, способенъ къ искреннему горячему чувству, можетъ даже уважать въ другихъ религіозное чувство (хотя самъ уже не ходитъ къ обѣднѣ, какъ прямо заикается брату).

Въ письмѣ къ одному своему пріятелю, Костѣ Кочевому, извѣстному адвокату, онъ такъ отзывается о своей невѣстѣ. „Она религіозна и вы не можете представить себѣ, до какой степени это трогаетъ меня и возмущаетъ ее въ моихъ глазахъ. По этому пункту я готовъ спорить съ вами безъ конца, но всегда хотѣ убейте, буду стоять на томъ, что люди, вѣрующіе въ Бога, въ торжество справедливости, въ страшный судъ, и въ вѣчное блаженство, гораздо содержательнѣе и ближе къ правдѣ, чѣмъ мы, безпредметные идеалисты ни во что определенное не вѣрующіе и только утѣряющіе себя, что истина есть и достижима.“

Вотъ этотъ самый Лантень женился на Юліи Сергѣевнѣ, дочери доктора, лѣчившаго его большую сестру Нину. Юлія и Нина это—два женскихъ типа очень симпатичныхъ и милыхъ. Обѣ женщины—религіозны. Юлія Сергѣевна ходитъ въ церковь, молится, ложась спать и т. д. То же самое дѣлаетъ и Нина. Последняя—глубоко несчастная женщина. Она противъ воли отца вышла замужъ за негоже Панаурова, красиваго, наглаго человѣка, „закуривающаго отъ лапидки, да еще при этомъ поесивывающаго“.

Последнюю характеристику даетъ ему авторъ какъ то кельцомъ, мимолетомъ. Это только одинъ, попадному, ничтожный штрихъ, но Чеховъ его отбѣтилъ—за что ему честь и слава.

Въ этихъ словахъ виденъ весь человѣкъ: отъ лица, способнаго на такое ничтожное и пошлое кощунство, какъ закуриваніе напрося отъ лапидки, можно ожидать только пошлыхъ и скверныхъ поступковъ. Поэтому мы несколько и не удивлены, когда узнаемъ, что Панауровъ прокутилъ все свое состоя-

Русское слово. М.,
1895. 4 февраля. № 34.

С. 1-2.

ние и приданое жены, прокутить не въ карты, не въ гомерических попойкахъ, заставляющихъ говорить о себѣ весь городъ, а тоже какъ-то мелко и пошло: „на лимонадѣ“ — въ выраженіи автора. Въ разказѣ мы встрѣчаемъ Панаурова, когда онъ уже завелъ себѣ въ городѣ другую семью и живетъ прииѣваячи, не обращая вниманія на болѣзную, умирающую жену, которая, несмотря на всѣ изысканія мужа, осталась для него корошей, любящей женой до смерти.

Въ то же время она — Нина — дѣлаетъ очень много добра, благотвори всѣмъ нуждающимся съ необыкновенной легкостью. Она, говоритъ авторъ, платила за бѣдныхъ учениковъ, раздавала старикамъ чай, сахаръ, варенье, наряжала небогатыхъ невестъ. Если ей въ руки попадала газета, то она прежде всего искала, нѣтъ ли какогонибудь позванія или объявленія о бѣдственномъ положеніи.

Словомъ, это одна изъ тѣхъ личностей, которыя своимъ добрымъ сердцемъ, своимъ безинтереснымъ исполненіемъ заповѣди Христа, спрашиваютъ непримѣтную прозу жизни.

Юлія Сергѣевна, жена Алексѣя Федоровича, очерчена у автора разказа слабѣе. Но она тоже глубоко религиозная женщина. Она сперва отказала Лаптеву: онъ ей не нравился. Потомъ она раздумала, много молилась и пришла къ такому выводу, что отказывать порядочному, доброму, любящему человѣку только потому, что онъ не нравится — это безуміе, это капризъ, и прихоть — а за это можетъ даже наказывать Богъ.

Она общается мужу быть вѣрной, преданной женой. И если авторъ не согрѣшить противъ истины, то она сдержитъ свое слово, и не измѣнитъ мужу, несмотря ни на какія искушенія. Такія женщины, какъ Юлія, страдаютъ, мучатся, но въ концѣ концовъ одерживаютъ верхъ надъ искушеніями, ибо у нихъ есть сознаніе грѣха.

А искушеніе уже предвидится въ лицѣ того же пріятеля ея мужа Кости Кочевого. Это человѣкъ — очень несни-

патичный. Отецъ его снискалъ, а его самого ребенкомъ пріютила сердобольная Нина. Она пристрастила его въ гимназію, она его въ люди вывела.

Умирая она такъ вспоминаетъ о немъ: „Милости Господни, сталъ мальчикъ хорошо учиться, выквѣтъ и вышелъ изъ него толкъ. Адвокатомъ теперь въ Москвѣ... Алешины друзья, такой же высокой науки. Вотъ не пренебрегли человѣкомъ, приняли его въ домъ, и теперь онъ за насъ, небось, Бога молить...“

Но Нина, по добротѣ своей души, неспособной подозрѣвать дурное, ошибается. Кочевой — Богу не молится. Это совершенно пустой человѣкъ. Онъ адвокатъ, но водитъ въ себѣ талантливаго писателя. Талантъ его, конечно, совершенно воображаемый. На самомъ дѣлѣ — это бездарный графоманъ. Его произведенія нигдѣ не печатаютъ, но, утѣшая свое самолюбіе, онъ утѣшаетъ всѣхъ, что это — исключительно по цензурнымъ обстоятельствамъ. Не будь цензуры, тогда... и т. д. Знакомая пѣсня! Кочевой самъ атенетъ, какъ видно это изъ письма къ нему Лаптева, но этого мало: Кочевой готовъ даже малыхъ дѣтей учить невѣрью въ Бога...

Авторъ описываетъ возмутительную сцену, когда Кочевой спрашиваетъ дѣтей Нины изъ урока по Закону Божию:

„Кости пробѣжалъ въ книжкѣ краткое описаніе потопа и сказалъ: — долженъ я вамъ замѣтить, такого потопа, какъ здѣсь описано, на самомъ дѣлѣ не было. И никакого Поля не было и т. д. Вы эту книжку читать-то читайте, да не особенно вѣрьте.“

Вотъ съ этимъ-то человѣкомъ, неизвѣрно гадкимъ, пошлѣнному и прілетѣла Юлія Сергѣевна перенести такое искушеніе.

Остальные лица введенныя въ разказъ Чехова пока не имѣютъ особаго значенія. Можно, пожалуй, упомянуть еще объ одномъ женскомъ типѣ, на этотъ разъ отрицательномъ, о Полиніи, съ которой Лаптевъ до своей женитьбы былъ въ близкихъ отношеніяхъ. Это — типъ знакомый, но тѣмъ не менѣе довольно интересный. Это типъ женщины,

сбившейся съ толку, женщины, у которой перенутались въ головѣ всѣ понятія о томъ, что хорошо и дурно. Такихъ женщинъ очень много въ жизни — это несчастныя жертвы женскаго вопроса, этого мыльнаго пузыря, раздутаго изъ ничто. Полиня была прежде курсисткой, потомъ поступила въ консерваторію и живетъ уроками музыки. Одѣнаея она по мужски: на улицѣ ее за послушника принять можно. Женственности она не признаетъ, но сама первичаетъ не менѣе любой женщины. Она считаетъ оскорбленіемъ для себя, какъ женщины, дозволять заплатить за нее взошнику или въ ресторани. Это — безчестно, по ея мнѣнію. Она бросила мужа и жила съ Лаптевичемъ — это по ея мнѣнію ничего, это не безчестно...

II.

По отчего же, спрашивается, Алексѣй Федоровичъ Лаптевъ и Кости Кочевой утратили способность вѣры; отчего Лаптевъ съ такой ненавистью относится къ родному дому, къ воспоминаніямъ дѣтства, въ Церкни; отчего Кости Кочевой позволяетъ себѣ эту возмутительную сцену на урокѣ съ маленькими дѣтьми? Откуда все это? Видѣ оба они выросли и воспитались въ домѣ благочестивомъ, среди людей твердой несокрушимой вѣры. Неужели строгость первоначальнаго воспитанія до того ожесточила сердце Лаптева, что онъ уже не можетъ безъ страха проходить мимо церкви, что онъ съ ужасомъ исполняетъ о своемъ дѣтствѣ? Странно, вѣдь и нашихъ предковъ воспитывали ихъ отцы въ еще большей, пожалуй, строгости, а они однако не теряли чувства вѣры и до конца дней своихъ любили и родителей своихъ и отчій домъ.

Случалось мнѣ какъ то недавно прочитать воспоминанія извѣстной артистки Косицкой. Мать ея обращалась съ ней очень строго, часто наказывала, много сѣла; и что же, безъ слезъ униженія нельзя читать разказъ Косицкой, съ такой любовью, съ такой сердечной теплотой рассказывать она о своей юности, о своей матери.

Русское слово. М.,
1895. 4 февраля. № 34.

С. 1-2.

Да и Нина. Вѣдь и ее отецъ сѣкъ не разъ, но въ ней незамѣтно никакой ненависти къ воспоминавіямъ дѣтства. Собственно говоря, самый интересный вопросъ — это: отчего Лаптевъ и Кочевой утратили способность вѣры. Отвѣтивъ на этотъ вопросъ, мы поймемъ, почему Лаптевъ съ ужасомъ и ненавистью вспоминаетъ о своемъ дѣтствѣ, почему Кочевой находитъ въ себѣ достаточно силы чтобы недобрымъ словомъ смутить чистую дѣтскую душу.

Итакъ, что же произвело опустошеніе въ душахъ Лаптева и Кочеваго, почему они утратили вѣру? Чеховъ, и въ этомъ его главная заслуга, даетъ намекъ на отвѣтъ въ указанномъ нами письмѣ Лаптева къ Кочевому.

Лаптевъ пишетъ: „люди, вѣрующіе въ Бога, содержательнѣе и ближе къ истинѣ, чѣмъ мы, безпредметные идеалисты, ни во что опредѣленно не вѣрующіе и только *уверяющіе* себя, что истина есть и достижима“.

Все дѣло въ томъ, что Кочевой и Лаптевъ думаютъ, уверяютъ себя (и въ этомъ виноваты не они, а то безмысленное изъ обрывковъ разныхъ свѣдѣній составленное образованіе, которымъ подъ видомъ науки питали ихъ) уверяютъ себя въ томъ, что знаютъ истину, а на самомъ дѣлѣ, конечно, они безконечно далеки отъ знанія истины, дальше, во всякомъ случаѣ, чѣмъ тѣ дѣти, которыхъ Кочевой уверяетъ, что Ноя не было.

Отсюда цѣлый рядъ недоразумѣній и мучительныхъ вопросовъ, вопросовъ безъ отвѣта, возникающихъ въ душѣ и отравляющихъ навсегда то мирное спокойное, *добро* настроеніе души человеческой, которое такъ облегчаетъ вѣрующему христіанину переносить всякія превратности судьбы, что мы, и видимъ на примѣрѣ Нины Федоровны.

А. СКОПИНСКИЙ.